

И. П. Лысакова, А. Л. Кузнецова

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОДОБРЕНИЯ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕЧИ

В статье анализируются существующие классификации речевых актов. Результаты данного анализа позволяют определить набор национально-специфических характеристик речевых актов неодобрения в русской и американской лингво-культурах с точки зрения их иллокутивной направленности, функций, перлокутивного эффекта, форм выражения, статуса коммуникантов, а также межкультурных различий в их использовании. Целью сопоставительного исследования является разработка методики обучения англоязычных иностранных студентов правилам вежливого выражения неодобрения на русском языке.

Ключевые слова: речевой акт неодобрения, иллокутивная направленность, перлокутивный эффект, прагматические функции, лингвистическая вежливость, прямая/косвенная форма выражения неодобрения, межкультурные различия в использовании неодобрения.

I. Lysakova, A. Kuznetsova

A DESCRIPTION OF SPEECH ACTS OF DISAPPROVAL IN THE RUSSIAN AND AMERICAN LINGUISTIC CULTURES

The article focuses on the classifications of speech acts in order to define specific national characteristics of speech acts of disapproval in the Russian and American linguistic cultures. The speech acts are analysed in terms of their illocution, functions, perlocutionary effect, wording, communicators' relationships, and cross-cultural differences in the use of certain speech acts. The research further aims to assist teachers in devising a methodology for teaching English-speaking students to express disapproval politely in the Russian language. Another objective is to establish the framework for the further comparative studies on the speech acts of disapproval used by the Russian and English language speakers.

Keywords: speech act of disapproval, illocution, perlocutionary effect, pragmatic functions, linguistic politeness, direct/indirect form of disapproval, cross-cultural differences in expressing disapproval.

1. О подходах к классификации речевых актов

Существование огромного количества общих классификаций речевых актов (РА) свидетельствует, с одной стороны, о практической востребованности такой классификации, а с другой стороны, о сложности выполнения этой задачи. Сложность обусловлена многообразием самих РА и критериев для их анализа. Кроме того, в разных языках одно и то же прагматическое значение может выражаться различными языковыми средствами или же, напротив, у эквивалентных по языковой

форме высказываний часто не совпадает иллокутивная направленность и прагматическая составляющая, так как они относятся к разным типам речевых актов.

Н. И. Формановская подробно анализирует подходы к описанию РА [32, с. 111–123]. Автор акцентирует значимость факторов внешней лингвистики, определяющих корректность использования данного типа речевого акта в коммуникативной практике конкретного лингво-культурного сообщества. Называя теорию речевых актов ядром прагмалингвистики, Формановская [32, с. 24] ана-

лизирует две наиболее представленные тенденции в прагматическом описании РА. Первая группа классификаций типологизирует РА согласно их иллокутивной направленности, то есть коммуникативному намерению говорящего (Сёрль [11], Лич [9], Богданов [16], Писарек [27], Бах, Харниш [2], Вежбицкая [18], Формановская [32], Бессонова [15] и др.). Вторая группа исследователей описывает типы РА с опорой на классификацию перформативных глаголов: «речеактовые глагольные предикаты, с помощью которых возможно выразить некоторые речевые действия: благодарю, прощаю, осуждаю и др.» [31, с. 124] того или иного языка. Такой подход представлен в работах: Остина Дж. [26], Фрейзера Б. [4], Апресяна Ю. Д. [14], Телия В. Н. [29]. Тем не менее нельзя не признать правоту точки зрения З. Вендлера [19] о том, что не всякий РА может быть выражен с помощью опорного перформативного глагола. Например, РА «Я вам лгу» «убивает иллокутивную силу высказывания», и поэтому назван Вендлером «иллокутивным самоубийством» [19]. Это наблюдение в полной мере касается и РА неодобрения, так как существующие в русском языке перформативные глаголы со значением неодобрения — порицать, осуждать, критиковать, обвинять, упрекать, угрожать, негодовать — не используются для выражения вежливого неодобрения в прямой речи (в форме 1-го лица, настоящего времени, изъявительного наклонения). Формановская Н. И. [32] признаёт два полярных типа классификаций взаимодополняющими. Суммируя данные анализа, автор предлагает опорный «обобщенный минимум» из семи классов РА: 1) репрезентативы — сообщения; 2) комиссивы — обязательства; 3) директивы — побуждения; 4) рогативы — вопросы; 5) декларативы — объявления; 6) экспрессивы — выражение эмоций; 7) контактивы — выражения речевого этикета.

Такая классификация вполне обоснованна и подходит для целей практического исследования отдельных РА. В рамках данной таксономии РА неодобрения отнесены к группе экспрессивов [32, с. 120].

2. Функции речевых актов неодобрения

Другие исследователи также чаще всего относят РА неодобрения к классу экспрессивов. Факт выделения экспрессивов в отдельный класс многими авторами классификаций РА (Сёрль [14], Вольф [20], Трофимова [30]) является свидетельством внимания к их специфической природе и функциям. Несмотря на то что однозначного и общепринятого определения РА, которые следует относить к классу экспрессивов, не существует, позиции разных авторов в понимании природы этого феномена не противоречат друг другу кардинально. Пионеры прагмалингвистики (Сёрль, Фрейзер) относят к экспрессивным речевые акты, выражающие установку говорящего, его положительное/отрицательное отношение к адресату или его поступкам [4, с. 187–210]. Все без исключения авторы подчеркивают эмоциональную природу таких РА, которая диктует набор используемых языковых средств. При этом именно выражение чувств и эмоций изначально считалось ключевой чертой и основной функцией экспрессивных РА (Мартен-Клиф, Еемеерен, Гроотендорст). Позднее данное положение было пересмотрено, в современной прагматике регулятивная функция признается за экспрессивами как основная [30, с. 13–23].

Для более дробной классификации экспрессивов некоторые исследователи использовали принцип опоры на базовые эмоции, порождающие тот или иной оценочный РА (Vanderveken [13], Guiraud [7]). Одной из базовых названа эмоция неодобрения, что позволило выделить в отдельную группу РА неодобрения, определяемые как РА, выражающие неодобрение в адрес слушателя по поводу чего-либо, что не считается идеальным положением вещей («expressing disapproval to the hearer about something that is not considered ideal») [7]. На стыке эмоций порождаются более сложные РА, также имеющие значение неодобрения: упрек, сожаление, выговор, обвинение и протест (regret, deploring, reproaching, accusing and protesting [7, с. 1035–1037]).

Позднее лингвисты обращают внимание на присутствие оценочного компонента в структуре экспрессивных РА (Д. Буля, Я. Навацка [цит. по: 20, с. 40], Е. М. Вольф [20]). Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв [17] и Н. А. Трофимова [30, с. 13–23]: «экспрессивные речевые акты рассматриваются как акты, реализующие интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального воздействия на адресата» [30, с. 13–14]. Таким образом, границы класса экспрессивов расширяются, современная лингвистика описывает их как РА, где «говорящий искренне и с экспрессией произносит высказывание в присутствии адресата, выражая некое пропозициональное содержание, относящееся к адресату, которое касается адресата или за которое адресат несет ответственность» [30, с. 13]. В качестве основной выделяется более значимая с прагматических позиций функция регулирования отношений. Регулирование осуществляется с помощью эмоционального воздействия на слушателя, которое актуализируется через одобрение (положительно заряженные) или порицание (отрицательно заряженные экспрессивы) в широком смысле. Предполагаемый перлокутивный эффект — спровоцировать эмоциональный «ответ» собеседника, подтверждающий достижение иллокутивной цели высказывания [30, с. 20]. Н. А. Трофимова разграничивает «положительно и отрицательно заряженные экспрессивы». Автор предлагает следующий скрипт отрицательно заряженных экспрессивов: «Адресат предпочел бы, чтобы говорящий не произвел определенное действие или не произнес определенное высказывание, тому, что говорящий произвел это действие или произнес это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий не выполнил действие или не произнес высказывание, тому, что говорящий выполнил действие или произнес высказывание» [30, с. 14]. Внутри класса экспрессивов выделяются подклассы социативов («выражают признание говорящим слушающего как члена одной с ним социальной группы») и инфлюктивов («выражают эмотивно-оценочное от-

ношение говорящего к эмоциональным воздействиям, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей»). Следовательно, негативно-оценочные РА неодобрения пополняют группу инфлюктивов, выполняющих функцию регуляторов, «посредством которых оказывается влияние на адресата, а через него и на ход практической жизни» [30, с. 17]. «Правильность» регулирования во многом определяется прагматическими факторами, связанными, в частности, с категорией вежливости.

3. Неодобрение как регулирование отношений в русском и английском языках

Теория лингвистической вежливости, разработанная П. Браун и С. Левинсоном [3, с. 348], обеспечивает возможность анализа РА с иных позиций. Понятие «социального лица», введенное Гоффманом [5], Браун и Левинсоном в концепцию позитивной и негативной вежливости, позволяет рассматривать РА с точки зрения их конвенциональности, степени вежливости, приемлемости или неприемлемости в типичных ситуациях общения. Результаты такого анализа способствуют выработке критериев успешной коммуникации на конкретном языке. Иллокутивная направленность и перлокутивный эффект неодобрения связан со стратегиями негативной вежливости, направленными на соблюдение «права на свободу от принуждения и неприятных обязательств, право на личную территорию» [3, с. 61]. Неодобрительные высказывания представляют «угрозу» негативному лицу адресата, так как являются попыткой навязать ему определенные действия или линию поведения. Кроме того, неодобрительные речевые акты оценивают личность адресата или его действия и мнения как «проблематичные, неразумные, спорные, безнравственные или странные» [9, с. 76]. По этим причинам лингвисты причисляют РА со значением неодобрения к числу РА, наиболее «угрожающих» социальному лицу адресата, и детально описывают страте-

гии и тактики вежливости, которые помогают смягчить или завуалировать эту угрозу (Leech [9], Трасу [12], Аijmer [1], Ларина [24]). Тактики смягчения и маскировки неодобрения не совпадают в разных языках и культурах, но всегда направлены на избегание конфронтации и сохранение отношений, являются приемами реализации стратегии сближения [24, с. 172]. В русском, так же как и в английском, языке неодобрение звучит и воспринимается как более вежливое, если выражено не в прямой, а в косвенной форме, но культурные сценарии неодобрения, усваиваемые в процессе социализации носителями русского и английского языков, во многом различны [18, с. 467–469].

Косвенная форма — один из ключевых инструментов вежливости. Степень эксплицитности формы критического высказывания напрямую связана с реакцией на РА [9]. Полярными реакциями на неодобрение могут быть: реагирование как на разумную критику или восприятие критических высказываний как актов агрессии [12, с. 76]. В первом случае коммуникативная цель РА может быть достигнута, так как адресат принимает точку зрения говорящего к рассмотрению. Выраженное в смягченной форме неодобрение одновременно привносит в общение значение приятия, поддержки и заботы о собеседнике [12, с. 76]. Во втором случае неодобрение воспринимается только как отрицательная оценка, что препятствует осуществлению взаимодействия. Прямая критика звучит оскорбительно или унижительно для адресата, особенно если оформлена как осуждение в неуважительной форме, без конструктивных предложений о возможных способах корректировки ситуации. Прямые речевые акты в большинстве случаев воспринимаются как грубость, злословие или попытка доминировать [16, с. 74–77].

Дж. Лич отмечает, что вежливость обладает общепринятыми градациями, и степень выраженности вежливости в конкретных речевых актах связана с понятием нормативного речевого поведения в определенной культуре. В частности, Лич разграничивает полярные и промежуточные варианты выражения неодобрения в англо-саксонских

культурах. Крайне невежливыми, с его точки зрения, являются критические замечания, имеющие прямую, ничем не смягченную форму. Эту точку зрения разделяет А. Вежицкая [18, с. 468]. Тем не менее один из законов, управляющих негативной вежливостью, говорит, что необходимость использования таковой снижается в ситуациях, когда вертикальная и горизонтальная дистанции, а также весомость угрозы минимальны [9, с. 192]. Такое снижение имеет место, по мнению Лича, при общении близких друзей и родственников в англоязычных культурах. «В тесном семейном кругу максима Одобрения не всегда играет важную роль» [9, с. 192], то есть эксплицитно оформленное неодобрение допустимо в англоязычных культурах при взаимодействии в рамках близких отношений. К. Трейси [12, с. 76] предлагает использовать неодобрение только в качестве проявления заботы и беспокойства в отношении возможных нежелательных последствий поведения близкого человека. Такой вариант речевого поведения в американской культуре представлен как способ сближения, формирования и поддержания близких отношений.

К вежливости имеет отношение и группирование РА по признаку статусных отношений коммуникантов, которое предложил В. И. Карасик [23, с. 84]. Разделение РА на статусно-маркированные и статусно-нейтральные позволяет точнее определить вектор коммуникативного процесса, и поэтому часто применяется в практических исследованиях. Русские РА неодобрения в соответствии со своими характеристиками попадают в группу статусно-фиксированных РА, где возможные позиции адресата заданы. Правила русского речевого этикета запрещают высказывать неодобрение в адрес коммуникативного партнера, чей статус выше, чем статус говорящего. Но американские правила речевого поведения, в силу свойственной им демократичности, предполагают, что в общении на социальной дистанции обладатель более высокого статуса должен придерживаться линии «учтливости общения на равных» [9, с. 4–7], поэтому англоязычные РА неодобрения могут

быть охарактеризованы как статусно-лабильные. То есть неодобрение допустимо высказывать вне зависимости от статуса коммуникантов, но степень вежливости возрастает при неравенстве социальных позиций.

В качестве РА, используемых в англоязычной речи для выражения неодобрения, в исследованиях лингвистов — носителей языка указываются (по мере возрастания эмоциональной заряженности, силы воздействия и снижения степени вежливости): косвенные критические замечания в смягченной форме (*indirect criticizing*), косвенное выражение недоумения или неприятия ситуации в форме вопроса (*expressing surprise or disgust, questioning one's judgment or decision*), требование отчета о действиях (*requesting an account*), выражение морального или интеллектуального превосходства (*implying moral or intellectual superiority*), прямые критические замечания (*direct rebuke* — упрек, *reprimanding* — выговор, *finding fault* — придирки, *accusing* — обвинение, *confronting* — конфронтация) [12, с. 77].

В то время как в английском языке прямо высказанное неодобрение часто рассматривается как конфронтация или провокация конфликта, в русском список ситуаций, где эксплицитно выраженное неодобрение считается допустимым или даже нормативным, оказывается более обширным. Ларина Т. В. считает, что «степень импозитивности (навязчивости) зависит от дистанции, разделяющей коммуникантов», и именно поэтому она в большей степени свойственна русской коммуникативной традиции, где в коммуникации доминируют тактики сближения (а не дистанцирования). При этом «прямолинейность, императивность не снижают степени вежливости» [24, с. 175]. Такая особенность проистекает из русского набора пространственных характеристик общения. Особенности проксемической организации коммуникативного пространства почти контрастны в американской и русской лингвокультурах, как отмечают авторы межкультурных исследований: А. Вежбицкая [18, с. 468], И. В. Привалова [28, с. 156–160], О. А. Леонтович [25, с. 317], А. А. Зализняк

[22, с. 280–281]. В русском когнитивном сознании отсутствует представление о «личном пространстве», в то время как для американцев концепт «privacy» является одним из ключевых и определяет коммуникативное поведение [28, с. 210]. Русское представление об общении как обмене человеческим теплом, ощущении общности, возможности сказать другим, что человек думает и чувствует, — является одним из подтверждений незначительности горизонтальной дистанции общения, существующей не только при близких, но и при более формальных (равно-статусных) отношениях [22, с. 281]. Именно меньшая, по сравнению с американской, проксемическая дистанция делает допустимым прямое выражение неодобрения «без снижения степени вежливости» и без ущерба для дальнейших взаимоотношений.

Т. В. Ларина [24] выделяет несколько видов русских неодобрительных РА, которые почти «табуированы» в английском языке: замечание (*personal remark*), замечание-выговор (*reprimanding*), замечание-указание (*admonition*), замечание-команда (*command*), прямые критические замечания, которые могут включать угрозу наказания (*direct threatening criticizing*). Все перечисленные РА являются примерами прямого порицания и выходят за рамки англоязычной вежливости, поэтому они скупно представлены в коммуникативной практике носителей английского языка согласно лингвистическим исследованиям А. Вежбицкой [18, с. 467], Т. В. Лариной [24, с. 162] и П. Макалистер [цит. по: 1, с. 29–52].

Еще одну возможность для анализа межкультурных различий в использовании РА неодобрения представляют собой исследования актов порицания при общении в отдельных деловых сферах. В англоязычных культурах существует общепринятый механизм обратной связи (*feedback*), который помогает каждому уяснить отношение других к своим действиям и выразить свою оценку. Этот механизм предполагает обеспечение ответной реакции на чужие слова и действия в смысле озвучивания личного отношения

к делу. Межкультурные различия в эффективности работы механизма обратной связи подробно описаны Эрин Мейер [10]. Мейер опирается в своем анализе на такие измерения культур, как отношение к контексту (низкоконтекстные/высококонтекстные, по Холлу [8, с. 73]) и предпочтение имплицитной либо эксплицитной формы озвучивания оценки действий других людей (обеспечения обратной связи). Итогом многолетнего исследования, проведенного на базе двух десятков культур, стала модель влияния особенностей культуры на управление деловыми взаимоотношениями. Модель из восьми шкал измерения включает, в частности, шкалы отношения к контексту и отрицательной оценке. Русская и американская культура вновь оказываются контрастными. Первая охарактеризована как высококонтекстная с эксплицитно выражаемой отрицательной оценкой. Характеристика американской культуры содержит описание значимой для нашего исследования особенности: доминирующее сочетание очень низкой контекстности и крайней эксплицитности коммуникации не работает в ситуациях выражения отрицательной оценки чужих действий. В таких ситуациях американцы строго придерживаются правила «маскировки ликоущемляющего РА» (redressing of face threatening acts) [10, с. 77], его смягчения с помощью косвенной формы и прагматических приемов подачи.

4. Выводы

Таким образом, речевые акты неодобрения в современной лингвистике принято относить к классу экспрессивов, подклассу инфлуктивов с отрицательной оценкой, которые принадлежат к числу наиболее «ликоугрожающих» актов с позиций Теории лингвистической вежливости. Между имплицитностью выражения неодобрения и степенью вежливости наблюдается прямо пропорциональная зависимость: косвенная и смягченная форма подачи неодобрения всегда звучит более вежливо, но может порождать трудности во взаимопонимании на межкультурном

уровне. Это чаще всего бывает вызвано недостаточным владением прагматическими факторами разного типа [21, с. 58].

Носители русской культуры предпочитают эксплицитно оформлять свое неодобрение, что является нормативным и общепринятым. Американские правила речевого поведения диктуют прямо противоположные нормы в обеспечении негативной обратной связи: нормативным считается неодобрение, преподнесенное с использованием набора смягчающих тактик, в косвенной форме, уравновешенное одновременным признанием заслуг.

С точки зрения форм выражения неодобрения репертуар американского варианта английского и русского языков не совпадает. Прямые, не замаскированные формы РА неодобрения, высказываемые «в лицо», почти не приемлемы в вежливом американском общении. То есть репертуар русских неодобрительных актов шире и употребляются они значительно чаще [24, с. 162].

Допустимая адресованность неодобрительных РА в двух языках также различна. В русском языке неодобрение может выражаться только при общении «на равных» или «сверху вниз». В англо-саксонской эгалитарной традиции, отстаивающей всеобщее равенство в правах, неодобрение может выражаться также и «снизу вверх».

На основании вышеизложенных особенностей использования РА неодобрения в американской и русской коммуникативной практике и с опорой на сопоставительный анализ параметров национально-культурной специфики, одной из задач настоящего исследования является выявление критериев выражения вежливого неодобрения в типичных ситуациях, позволяющих регулировать взаимодействие и взаимоотношения коммуникантов в русской культуре. Цель сопоставительного анализа — создать учебную классификацию речевых актов вежливого неодобрения и разработать методическую систему обучения вежливым речевым актам неодобрения на русском языке с учетом возможного влияния англоязычной интерференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aijmer K., Ruhlemann C.* Corpus Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 461 p.
2. *Bach K., Harnish R.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, L.: MIT Press, 1980. 327 p.
3. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. *Fraser B.* Perspectives on Politeness // *Journal of Pragmatics*. 1990. Vol. 14(2). P. 219–236.
5. *Goffman E.* On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Communication in Face-to-Face Interaction* / ed. by J. Laver, S. Hutchesson. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–346.
6. *Grice H.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
7. *Guiraud, N., Longin D., Lorini E., Pesty S., Rivière J.* The face of emotions: a logical formalization of expressive speech acts // *Proceedings of the 10th International Conference on Autonomous Agents and Multi-agent Systems (AAMAS 2011)*, May № 2–6, 2011, Taipei, Taiwan / ed. by K. Tumer, P. Yolum, L. Sonenberg and P. Stone. Vol. 3. P. 1031–1038.
8. *Hall E.* Beyond Culture. N. Y., L., Toronto: Anchor Books, 1976. 320 p.
9. *Leech G.* The Pragmatics of politeness. N. Y.: Oxford University Press, 2014. 343 p.
10. *Meyer E.* The culture map. N. Y.: Public Affairs, 2015. 277 p.
11. *Searle J. R.* A classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5(1). P. 1–23.
12. *Tracy K.* Everyday talk: building and reflecting identities. N. Y.: Guilford Press, 2002. 230 p.
13. *Essays in Speech Act Theory* / ed. by D. Vanderveken, S. Kubo. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 324 p.
14. *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // *Известия АН СССР. Серия Л и Я*. 1986. Т. 45. № 3. С. 208–223.
15. *Бессонова И. В.* Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 23 с.
16. *Богданов В. В.* Классификация речевых актов // *Личностные аспекты языкового общения* / отв. ред. И. П. Сусов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. С. 27–37.
17. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценочные акты «извне» и «изнутри» // *Логический анализ языка: Язык речевых действий* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 49–58.
18. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
19. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике*. № 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. 504 с.
20. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
21. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
22. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
23. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
24. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Язык. Семиотика. Культура, 2009. 507 с.
25. *Леонтович О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 268 с.
26. *Остин Дж. Л.* Слово как действие / пер. с англ. А. А. Медниковой // *Новое в зарубежной лингвистике*. № 17. Теория речевых актов / сост., вступ. ст. И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
27. *Писарек Л.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Вроцлав, 1995. 172 с.
28. *Привалова И. В.* Интеркультура и вербальный знак. М.: Гнозис, 2005. 472 с.
29. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*. М.: Наука, 1991. 214 с.
30. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: СПбГПУ, 2008. 377 с.
31. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
32. *Формановская Н. И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

REFERENCES

1. *Aijmer K., Ruhlemann C.* Corpus Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 461 p.
2. *Bach K., Harnish R.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, L.: MIT Press, 1980. 327 p.
3. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. *Fraser B.* Perspectives on Politeness // *Journal of Pragmatics*. 1990. Vol. 14(2). P. 219–236.
5. *Goffman E.* On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Communication in Face-to-Face Interaction* / ed. by J. Laver, S. Hutcheson. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–346.
6. *Grice H.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
7. *Guiraud, N., Longin D., Lorini E., Pesty S., Rivière J.* The face of emotions: a logical formalization of expressive speech acts // *Proceedings of the 10th International Conference on Autonomous Agents and Multi-agent Systems (AAMAS 2011)*, May № 2–6, 2011, Taipei, Taiwan / ed. by K. Tumer, P. Yolum, L. Sonenberg and P. Stone. Vol. 3. P. 1031–1038.
8. *Hall E.* Beyond Culture. N. Y., L., Toronto: Anchor Books, 1976. 320 p.
9. *Leech G.* The Pragmatics of politeness. N. Y.: Oxford University Press, 2014. 343 p.
10. *Meyer E.* The culture map. N. Y.: Public Affairs, 2015. 277 p.
11. *Searle J. R.* A classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5(1). P. 1–23.
12. *Tracy K.* Everyday talk: building and reflecting identities. N. Y.: Guilford Press, 2002. 230 p.
13. *Essays in Speech Act Theory* / ed. by D. Vanderveken, S. Kubo. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 324 p.
14. *Apresyana Yu. D.* Performativny v grammatike i v slovare // *Izvestiya AN SSSR. Seriya L i Ya*. 1986. T. 45. № 3. S. 208–223.
15. *Bessonova I. V.* Rechevye akty pohvaly i poritsaniya sobesednika v dialogicheskom diskurse sovremennogo nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2003. 23 s.
16. *Bogdanov V. V.* Klassifikatsiya rechevnykh aktov // *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya* / otv. red. I. P. Susov. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1989. S. 27–37.
17. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* Otsenochnyye akty «izvne» i «iznutri» // *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk rechevnykh deystviy* / otv. red. N. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva. M.: Nauka, 1994. S. 49–58.
18. *Vezhbitskaya A.* Russkie kul'turnye skripty i ih otrazhenie v yazyke // *Zaloznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D.* Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 540 s.
19. *Vendler Z.* Illokutivnoe samoubiystvo // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. № 16. *Lingvisticheskaya pragmatika*. M.: Progress, 1985. 504 s.
20. *Vol'f E. M.* Funktsional'naya semantika otsenki. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.
21. *Gudkov D. B.* Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii. M.: Gnozis, 2003. 288 s.
22. *Zaloznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D.* Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 540 s.
23. *Karasik V. I.* Yazyk sotsial'nogo statusa. M.: Gnozis, 2002. 333 s.
24. *Larina T. V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskiy i russkiy lingvokul'turnykh traditsiy. M.: Yazyk. Semiotika. Kul'tura, 2009. 507 s.
25. *Leontovich O. A.* Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. M.: Gnozis, 2007. 268 s.
26. *Ostin Dzh. L.* Slovo kak deystvie / per. s angl. A. A. Mednikovoy // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. № 17. *Teoriya rechevnykh aktov / sost., vstup. st. I. M. Kobozevoy, V. Z. Dem'yankova; pod obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo*. M.: Progress, 1986. S. 22–129.
27. *Pisarek L.* Rechevye deystviya i ih realizatsiya v russkom yazyke v sopostavlenii s pol'skim (ekspressivny). Vroslav, 1995. 172 s.
28. *Privalova I. V.* Interkul'tura i verbal'nyy znak. M.: Gnozis, 2005. 472 s.
29. *Teliya V. N.* Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya // *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*. M.: Nauka, 1991. 214 s.
30. *Trofimova N. A.* Ekspressivnye rechevye akty. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz. SPb.: SPbGPU, 2008. 377 s.
31. *Formanovskaya N. I.* Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika. M.: Ikar, 2007. 480 s.
32. *Formanovskaya N. I.* Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podhod. M.: Russkiy yazyk, 2002. 216 s.